

К. Паустовский: "Время больших ожиданий"

В музее на Черноморской улице вас символически встречает Паустовский с поистине крылатыми фразами: "Человеку никак нельзя жить без Родины, как нельзя жить без сердца...". Или вот еще: "Я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны и ее страданий". Это ответ Паустовского на предложение покинуть Родину в те "окаянные дни", когда многие брали пароходы приступом и отплывали к чужим берегам...

...Быть нищим, бродягой, но ни в коем случае — обывателем и напыщенным индюком... Это по Паустовскому.

Хочется поделиться большой радостью с читателями. Есть дневниковые записи, которые раньше не были доступны широкому кругу. Им просто тогда нельзя было появиться.

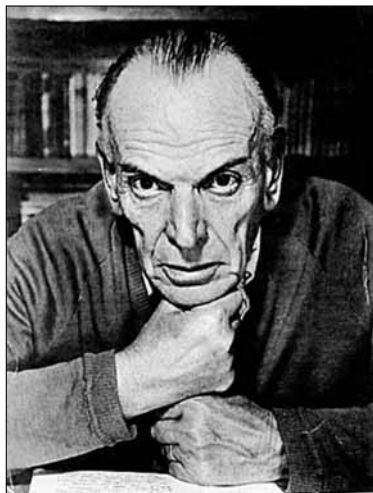
Надо отдать должное Московскому музею-центру: благодаря его директору Илье Ильичу Комарову (к сожалению, ушедшему недавно в мир иной) мы имеем возможность перечитать неизвестные страницы Паустовского (в том числе одесского периода жизни).

Первая встреча с Одессой произошла, когда он направлялся в Крым. Вот как он сам писал об этом:

"...Десятилетним мальчиком я впервые увидел море в Одессе. Оно показалось прохладной синей тучей. Живая синева шумела у берегов из красной раскаленной глины, качала паруса и ржавые пароходы..." (повесть "Далекие годы").

Пройдет время, и юноша Паустовский пошлет на отзыв И. Бунину свои одесские стихи:

У Ланжерона прибои пели,
Соленый ветер ласкал глаза,
И облака плели кудели,
И небо в море, как бирюза.
Весенний, юный, я волновался.
Ты, Хатидже, ждала меня.
Я помню — месяц в волнах купался,
Горя в тумане венком огня.
И в смутном зове горячей ночи
Капризно, нежно смеялась ты.

О как хотелось, чтоб дни короче
Плели под солнцем свои мечты.
Вино и песни, и сумрак влажный,
И дождь шумливый во тьме террас.
Твой лепет звонкий, твой стон протяжный...
Дожди и ветры скрывали нас.
И светозарный и пьяный морем
Был каждый вечер. Я уходил.
А ты молилась сапфирным зорям.
И голос моря тебя будил.

Первая мировая война. Одесса стала ближе к Паустовскому. Он санитар фронтовых поездов, которые прибывали на железнодорожный вокзал и в паровозоремонтные мастерские на Ближних Мельницах. Паустовский познавал Одессу, от улицы Черноморской до Дачи Ковалевского, Черноморки и Сухого лимана, Лузановки, Куяльника.

Следующий приезд Паустовского в Одессу состоялся между 7 и 10 октября 1919 года. Он начал сотрудничать в газете "Современное слово". В дневниковых записях Константин Георгиевич использует краткий телеграфный стиль.

Одесские воспоминания отца, хранившиеся у сына писателя Вадима Константиновича Паустовского, были опубликованы в 90-е годы лишь в журнале "Мир Паустовского" (1993 г.). Наша задача состоит в том, чтобы познакомить читателя с малоизвестными дневниковыми "одесскими страницами". Но и это не все. Интересной находкой стала обнаруженная феодосийским издателем А. Лосевым в Москве еще ряда страниц дневника. Почему-то Паустовский при жизни публиковать одесские записи не хотел. Возможно, они разрушали своей жесткостью романтику "Времени больших ожиданий".

Итак — Константин Паустовский. Одесские страницы (дневники). Октябрь — декабрь 1920 года.

...Приехал Гюль. Его мытарства. У нас. Вечеринка у Любовича. Хейфиц и Соломон. У Робина. Ланжерон. Прозрачное море. Камни обросли льдами. Тишина. Черноморская улица. Порт. "Cleopatra". Итальянцы. Английский крейсер "Concord" и контр-миноносец "Tabaco". No, hip! Чистота и уют в теплых стальных каютах. Английские матросы в широких брюках, с трубками. Мильруд. С Катей и Гюлем — на Ланжерон. Крол нездоров. Радуетя как маленький. Камешек. Порт. "Dumont Durgville" после взрыва. На шлюпке. Пищат и дерутся чайки. Гирианды снега. Вечером — в городской театр. Красивый, итальянский. Гражданская жена Любовича. Хейфец — шалый. Смех. Убогие кооператоры. Юбилей "Рочдэльских" пионеров. Домой. Кекс Кролу. Уже выздоровела.

Написал об Обручеве. Приехал Лившиц с женой. Обрадовались. К себе. Кофе. Обедать — в "Отдых". "Южное слово". Клеопатьевский. Хорошая редакция, но редактор — мальчишка. Дурацкий телефон. К Поляковскому — Гюль и каштаны. Стрельба. Брели, хромая. По темным улицам. Спальня. "Шляпа" Лившица. Сонечка. Плач. Пришли. Уютная квартирка у Федора Давыдовича. Тепло. Уснул. Утром — бежали. Солнце и влага. На следующий день ночевать к Гюлю. Тьма, окраина, весеннее и свежо пахнет морем. Белая, чистая, одинокая комната. Холодно. "На северной форелевой реке". Шумит море. "Вилла ветров".

Тоска о Москве. Английский кофе. Дикая ночь, не раздеваясь. Гюль сердится. Утро — море. Дымно-розовое у берегов, дальше синеватый свинец. Ветер. Крол на "Commandat Barry".

21/X. Серый день сквозь ржавчину листьев. Сизый туман холодного моря и алые просветы над его северным берегом. Василий Иванович у нас. Художник. Иконописец. "Последние новости" в Париже. Ярцев в Константинополе. Он снимает перед морем шляпу. Северянин в Ревеле.

22/X. На службе гнусно. Едва досиживаю до трех часов. Мясо. Тоскливо. Батарейный переулочек — словно в Севастополе. Читаю "Боги и люди" Поля Сен-Виктора. Декаданс, рассыпанный массой ценных и точно вычеканенных вещей. Бессилье мысли. Хорошо о Марке Аврелии. Бензиновая свечка.

24/X. Музей Толстого. Анфилады комнат в золотистом осеннем солнечном свете. Штофные стены. Дворец. Итальянский рояль. Ампиризм и барокко. Чудесные японские вазы. Хороши миниатюрные портреты. "Ветер. Версаль" Бенуа. В окнах версальского дворца отсвечивает дождливый, тускло-желтый закат. Ветер рвет плащи. Красота ровных газонов, статуй, стен из зелени. Людовик XIV. Рассказы Крола о версальских фонтанах.

В университете. Белый восьмигранный зал. Годовщина литературного кружка. Шенгели — истомленный. Набриев. Читал "Поэтам". "Друзья, мы римляне". "Золоторжавая, холодная заря" над форумом. Приход нового Ронсара. Кованые стихи. Тоска. Я создан для этого. Андрей Соболев читал "Тихо было". Вспомнил "Цыганского барона". Вера Инбер — маленькая одесситка в красной вязаной кофточке. Шамкал Де Рибас. Красивый вечер. Фосфористая луна. Думы.

25/X. Холодно. Я в летнем пальто. Раздевают страну. Вечером — полный месяц над зимним морем в сизом, углубленном небе. Серебряный диск сквозь ржавую листву.

У нас больной Антонин с Фонтана. Был на принудительных работах — нажил флегмону. Прожорлив. Старая казенная крыса. Она. Дикая пара. Наше время доводит до идиотизма. Холода. В комнате ниже нуля. Именины у Головчинеров. Опухли руки. Тоска. Статья Рысса в "Общем деле".

У Василия Ивановича. Немочка — жена. Столовая. Поэтесса. Данилова. О Шенгели. Серо-желтый парк.

Читаю Розанова. Чудесный русский язык. Рим, жить в нем. Вторая родина. Смерть Гартенштейна — от тоски. Несколько дней ничего не ел. Похороны. Полянский и Лоран. Ковальский. Обмывание на кладбище. Драка канторов. Торг, как на базаре. Омерзительно. Ой Лейбе-Ицко. Встретили арестованных — около двух тысяч. Врангель разбит. Радиостанция приняла радио с "Адмирала Корнилова" об оставлении Феодосии и Севастополя. Удерживаются в Ялте. Последний акт трагедии. "Громадный народ умирает в тоске, как больной, брошенный зверь". Сергей Петрович у нас. Сидел в тюрьме. Крики женщин, которых ведут "на размен". По вечерам — тьма, холод. Уходит жизнь. Ждут "Волю", которая якобы пришла сдаваться. Таскаю обед. Серые сумерки.

20/XI. На море сильный шторм. Заходил на бульвар. Волна перекатывает через молы. Зеленое море. Ветер. Брусилов говорил о Петрограде, — за 6 дней он не слышал смеха, не видел ни одной улыбки. Говорят шепотом. Импотенция мужчин. Прекратилось деторождение.

22/XI. Мутные, свинцовые дни. Был Сергей Петрович. Спал несколько дней в бараках — обовшивел. Около 6 часов вечера неожиданный и сильный орудийный огонь. Никто не знает, что это. Тяжелый гром и оправленный в яркую ржавчину парк. У батюшки умер ребенок. Имени-

ны Крола. Хризантемы. В холодных комнатах. У Ковальских. Восточная музыка. Черные ночи. Медведев. Его рассказы. Много читаю об искусстве. Хейфец. Замерзло море, — особый запах снега. Рождество. В монастыре. Красавица послушница. Лицо Нестерова. Диакон. Великая Ектенья. Сочельник. Елочка. Лившицы. 1-й день у моря. Молочный туман. Бледная зелень, вода шумит у дамбы.

Ледяные торосы. Плач чаек. Свежесть. Отдых — покой. У Ивановых. Свиньи в гостиной. "Моряк". Скука этой жизни. В кабинете изящных искусств университета с Ковальским — Серов, Борисов-Мусатов. Изможденный хранитель — Василенко.

29/ХІІ. 14 тепла. Совсем весна, — все в синем отблеске. Тихое море. А в Москве — костры в морозном тумане. Готовимся к Новому году. Новый год — у нас. Ковальские. Коньяк. Тепло. Тамбура. "Просим младшего корнета выпить рюмочку вина". Утром к морю. Я в летнем пальто. "Моряк". Купчиха Благова. Темно. Ермил Иванович.

Конечно, эти странички из дневника должны быть прокомментированы. Значительную работу в этом направлении уже провели одесситы — Н. Брыгин, Г. Зленко, А. Александров. Нельзя забывать, что творчество Паустовского — это наследие, которое не оставляет спокойным многих читателей и в наше беспокойное время.

Как-то Илья Ильич Комаров сказал мне, что одесситы, исследователи Паустовского, сидят на бочке с драгоценностями, разбирать которые и разбирать, хватит на много лет и десятилетий. Телеграфный стиль Паустовского — это ключ к открытию многих тайн его жизни — и времени.

Послесловие

Как я уже написал, в последнее время музейщики стали свидетелями новой находки дневниковых записей, но написанных несколько в другом ракурсе, расширяющем наше представление о взгляде писателя на одесское время. Интересно? Но это тема следующей публикации. Ждите.

Мы благодарим издателя А. Лосева и редакцию журнала "Мир Паустовского" за предоставленную возможность познакомить читателей с интересными материалами литературного наследия К.Г. Паустовского.

